

10000

Одна
араб

Ульяна Соболева

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Арабская страсть

Ульяна Соболева
1000 не одна ночь

«Ульяна Соболева»

2018

Соболева У.

1000 не одна ночь / У. Соболева — «Ульяна Соболева»,
2018 — (Арабская страсть)

Думаете, рабства не существует, а людей уже давно не продают, как скот? Я тоже так думала, пока, вместо обещанной работы няней, не оказалась связанной в фургоне работорговцев. А затем мною расплатились и подарили Аднану ибн Кадиру – бедуинскому шейху, царю Долины Смерти. (Современная версия Аш. Пепел ада) Внимание! В книге все события, персонажи и обычаи выдуманы, утрированы и приукрашены автором. В оформлении обложки использована фотография автора Sofia_Zhuravets ресурс depositphotos. Лицензия # 113148180 и фотография автора oneinchpunch(fabio formaggio) ресурс depositphotos. Лицензия #134628216 Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Глава 1

- Продиктуйте еще раз по буквам ваше имя и фамилию.
- Анастасия Александровна Е-ли-се-е-ва.
- Евсеева?
- Е-ли-се-ева. От имени Елисей. Так кораб...
- Я уже поняла, – меня перебили на полуслове, – просто не услышала, вы невнятно сказали.

Молодая темноволосая женщина за небольшим письменным столом в уютном офисе выглядела очень стильно и респектабельно. Аккуратная стрижка, минимум косметики, ухоженные руки и длинные ногти. Вместо линз – модные очки с тонкими золотыми колечками на дужках. Она внушала доверие и располагала к себе с первой секунды именно спокойным, рассудительным и холодным видом. Когда увидела ее в этом маленьком кабинете в старом районе города, даже духом воспрянула. Потому что поначалу очень скептически отнеслась к мейлу, который пришел в ответ на мое объявление о поиске работы няней или сиделкой. Я уже несколько месяцев поднимала это объявление наверх, двигала за деньги, рекламировала, но безрезультатно. Меня вызвали на пару собеседований, но каждый раз я получала отказы. Чаще всего не подходил возраст, отсутствие опыта, не подходило, что не замужем, и куча всего не подходило. Какие-то совершенно обидные мелочи вплоть до цвета волос. Типа такие светлые блондинки не отличаются умом. Куклы пустоголовые.

Одна так и сказала своему мужу, едва я вышла за дверь их квартиры.

– Зачем мне эта Барби без мозгов? Глазами шлепает, волосы выбелила, чему она моего ребенка научит? Тоже мне – педагог. Глазами так и стреляла из стороны в сторону.

Стало очень обидно, я даже расплакалась. Стреляла глазами, потому что роскоши такой никогда не видела, а волосы у меня такие белые от природы. Какая-то мутация гена. Не альбинос, но есть некоторые отклонения. Маме это говорили, еще когда она беременная мной была, что может родиться больной ребенок. Я родилась здоровой, но врачи все же думали иначе и каждый год проверяли меня на всякие патологии, пока я не стала достаточно взрослой, чтобы отказаться от проверок.

У меня и цвет глаз не совсем обычный – темно-синий, ближе к фиолетовому. Я стараюсь носить линзы или очки, чтоб люди не пялились и не шарахались. А из-за генетических проблем с кожей летом я могу сгореть до мяса и покрыться огромными пузырями. Поэтому даже в жару ношу длинный рукав и длинные юбки. Не люблю свою внешность, мне кажется, что я ужасная. Может, поэтому у меня и с парнями не складывалось. Отталкивала их моя неестественная белизна кожи и волосы. Люди не любят, когда кто-то от них разительно отличается. Таких обычно ненавидят и всячески гнобят. Меня не гнобили, так сложилось, но и друзей у меня особо не было. Только Лиза. Еще с самого детства.

Когда я стала постарше, мы пытались мои волосы перекрасить, как и мои брови с ресницами. С бровями все вышло, а вот волосы никак не брали цвет, только оттенки. Со временем и это перестало волновать. Я много училась, готовилась к поступлению на бюджет в педагогический, и мне стало не до внешности. Особенно когда с папой случилось несчастье, и пришлось помогать маме. Лиза к тому времени замуж вышла за своего Сержика и укатила в другой город. Общались мы с ней теперь лишь в переписке и по телефону.

«– Слишком ты молодая и яркая, Настя. Не хотят бабы тебя в свой дом впускать. Я б тоже не впустила. Оно, конечно, мужику своему доверяешь, но... зачем соблазн держать перед носом, особенно такой экзотический. Это тебе надо нянькой к маме-одиночке устраиваться, да где ж такую с деньгами найти. Брошенные женщины в нашей стране обычно влачат жалкое существование, им на подгузники не хватает, не то что на няню.

– Тоже нашла красавицу. Может, наоборот – я для них страшная. Чтоб детей не пугала.
– Дура ты страшная, вот ты кто! Ты посмотри на себя. На улице все вслед смотрят. Ты особенная, необычная. Я б за такой цвет волос удавилась. Куколка.

– А что же мне делать? Меня и убирать не берут, и за стариками присматривать. Мне работа нужна, Лиз. Отец травму на стройке получил, ты ж знаешь, а мать сама нас всех пятерых тянет, еще и ему на реабилитацию.

– Что со страховкой от фирмы, где он работал?

– Ничего. Говорят, что он сам виноват – нарушил правила безопасности, даже свидетели нашлись. Ни копейки не выплатят. А на адвокатов деньги нужны. Просто так никто не берется с этим возиться.

– А переводами пробовала заниматься, ты ж у нас полиглот? Арабский знаешь, английский.

– Пробовала. Не хватает нам все равно. Заказывают переводы, но мало. В контору по переводам не взяли, им с опытом требуются, только на фриланс. Не хватает ни на что. Тошка с Верочкой в пятый класс в этом году идут, купить все надо к школе, оплатить всякие подкурсы, и мне за универ. Да что я рассказываю, ты сама все знаешь. Мать на двух работах и по ночам шьет на заказ. У нее уже рука правая дрожит.

– Не знаю, что тебе сказать, моя хорошая. Попробуй через интернет объявления дать, может, кто и откликнется. Только осторожней там. Сейчас тварей хватает с разводиловом. Хочешь, я денег займу?

– Не хочу. Мы и так тебе должны».

И я дала объявление, никто, правда, не писал очень долго, а потом письмо пришло из агентства по трудоустройству за границей. У меня аж сердце сжалось, скрутилось в тугой узел от радостного предвкушения. Меня приглашали на собеседование в офис одной известной фирмы, но адрес смущал. Обычно все конторы у нас находились в центре, а эта – непонятно где. У черта на рогах, как сказала Лизка. Но по телефону очень приятный женский голос меня успокоил.

– В этом городе мы всего лишь открыли маленький офис для собеседований. Мы представители огромной компании, филиалы которой находятся в самых крупных городах нашей страны. Мы подыскиваем персонал в больницы, в пансионаты, в детские государственные учреждения и так же для частных лиц в страны Европы и Ближнего Востока. Вам не о чем беспокоиться. У нас все законно и прозрачно. Вы можете вбить в поисковике название нашей фирмы и все о ней почитать. На рынке мы уже больше десяти лет. Нам доверяют, как влиятельные клиенты, так и наши работники. Приезжайте в офис в среду, я записываю вас на 10:15 утра. При себе иметь паспорт, загранпаспорт, свидетельство о рождении, аттестат, выписку от терапевта, гинеколога и психиатра. Фото не нужно – вас сфотографируют на месте в случае, если вы нам подойдете. Не опаздывать! До вас и после вас записаны люди.

И у меня сердце затрепетало от радости. О, Господи! Спасибо тебе, наконец-то я смогу хоть чем-то помочь родителям. Обстановка в доме становилась все невыносимей. Отец запил после травмы. Нет, он не буянил, не обижал нас с мамой, он просто медленно, но уверенно сдавался и уходил в тоску. Называл себя бесполезным бревном и порывался уйти из дома, чтоб освободить матери руки. Они, конечно, потом мирились. Она плакала, он ее жалел... А я плакала у себя за стенкой, потому что понимала, что ничем не могу им помочь, а только вишу на шее гирей со своей учебой.

Разве что могу с Тошкой и Верочкой повозиться и уроки сделать, хоть так маме руки развязать. Потом отец нашел работу на дому, ему привозили какие-то детали, и он подпиливал их с разных сторон специальной большой пилкой, на фоне этого у него развился кашель и начали слезиться глаза. Но все мы понимали, что это тоже деньги. Небольшие, но все же. Врачи говорили – ему б реабилитацию хорошую, и он, может, еще и смог бы ходить без костылей. Но

где ж на нее деньги взять, на эту реабилитацию. Я понимала, что, если найду работу и уеду, маме не нужно будет кормить еще и меня и тратиться на еще один рот в семье. А так я смогу помогать им. Ничего, Вера уже не маленькая, по дому если что справится, да и Тошка молодец, с отцом его детали пилит. Они справятся без меня. Им даже легче будет.

Пока ехала в офис, мечтала, как приеду с подарками красивая, загорелая, Тошка и Верка визжать буду от радости, а мама расплачется. Я ей денег дам и скажу, чтоб везла отца в медицинский центр в столице, потом он ходить сам начнет, и мы станем все той же счастливой семьей.

Теперь я сидела перед представителем «Ваш Заработок Здесь» (да, я проверила эту фирму и прочла о ней много хороших отзывов) и нервно теребила подол платья. Самого красивого из всех, что у меня были, темно-синего, до колен, с короткими рукавами и стразами по краю декольте. Мне Лиза его подарила на день рождения в прошлом году, и я надела его всего два раза. Верка каждый раз, как его видела, кричала, что тоже такое хочет. Обезьяна мелкая.

– Вы указали, что владеете тремя иностранными языками. Напишите – насколько хорошо вы знаете эти языки, обведя в кружочек цифры от одного до десяти. Где десять – превосходно, а единица – не знаю.

Я обвела цифру девять, так как все же это не родной мне язык.

– Арабский?

– Да, мне всегда была очень интересна восточная культура. Потом я ходила на курсы и учила язык онлайн. Практики, правда, было мало, но читать и писать я умею хорошо. Я даже делала несколько переводов с арабского на русский язык.

Кажется, ее совершенно не заинтересовал мой рассказ. Точнее, ей было совершенно наплевать – откуда я знаю этот язык, ей вообще было на меня плевать, хоть она и делала вид, что интересуется.

– Выезжали ли вы раньше за границу для работы и в какие страны? Не привлекали ли вас за границей к ответственности за незаконную трудовую деятельность?

– Нет, конечно. Я вообще ни разу не была за границей.

У нее зазвонил сотовый, и она отошла с ним в сторону. Краем уха я слышала, о чем она говорит, хотя и старалась не подслушивать.

– Я понимаю. Но они не валяются на улице и не едут сюда пачками. Пока что только для ВЗЗ. Для тебя никого. А что я могу сделать? Ловить их на остановках? Так и передай Асаду, пока что пусто. Притом, ты сам понимаешь, всех подряд не возьмешь. Нужно, чтоб подходила по всем параметрам. Чтоб потом без неприятностей. Мне они не нужны. Я помню про долг! Асад знает, что я все верну... я... поняла. Не надо... Пожалуйста! Я поняла, говорю. Хорошо, я постараюсь найти.

Она вернулась к столу и грациозно за него села, подняла на меня красивые темные глаза и поправила краешек очков. Внимательно меня осмотрела. Очень внимательно. Покусывая кончик шариковой ручки.

– Вы замужем? Есть дети?

– Нет.

– Живете одна?

– С родителями, братом и сестрой.

– Кем работают родители?

Я все ей рассказала, она проявила столько внимания и сочувствия, спрашивала о травме папы и даже рекомендовала – к каким врачам можно обратиться. Наверное, она очень хороший человек, раз смогла выслушать меня, кивая головой и что-то записывая себе в блокнот. А потом вдруг спросила:

– У вас очень необычная внешность. Почему не пытались устроиться фотомodelью в агентства? Мы набираем девушек для разных реалити-шоу. С вашими невероятными данными

вы смогли бы поучаствовать. Набор проходит прямо сейчас, девушкам выплачивается аванс, и уже завтра они выезжают с группой во Францию.

Я отрицательно покачала головой. Какие модели? Я? Да я одеваться нормально не умею, на каблуках почти не хожу.

– Нет. Это не для меня. Я боюсь толпы, боюсь сцены и микрофона. Нет, нет, нет. Я не смогу, нет. Не мое это. Мне няней, сиделкой.

Улыбка тут же пропала с ее лица вместе с наигранным участием.

– Все понятно. Значит, нет. Вас сейчас сфотографируют в коридоре, и через несколько минут я скажу вам, что у нас есть для вас. Проверю по запросам и по картотеке заказчиков. Не уверена, что смогу что-то найти, но я постараюсь.

Меня сфотографировали у белой стены на лестнице с загранпаспортом в руках. С улыбкой и без. Нет, не каким-то крутым фотоаппаратом, а просто на сотовый. Сделал это какой-то мужчина с короткой бородой и очень маслянистым взглядом, которым он словно трогал мое тело, шарил по нему, как щупальцами. Напоследок он назвал меня сахарком и исчез за дверью «офиса».

Мужское внимание я не любила. Не то что не любила, я просто привыкла выпускать иголки, потому что обычно со мной знакомились лишь из дикого любопытства. Однажды мне так и сказал парень, в которого, как я думала, я была влюблена:

«Хочу посмотреть – везде ли ты такая беленькая. Пацаны говорят, ты крашенная. Дай сфоткать!»

Я его ударила. Нет, не пощечину дала, а по-настоящему ударила кулаком в лицо, так что носом кровь пошла.

«Белобрысая ссссука! Думаешь, ты нужна кому-то? Все только хотят на твою щелку посмотреть, такая ли она, как у других, или альбиносская. Страшилище ты заморское».

Я села на скамейку у стены и стиснула ручки сумочки. Утром Лизка мне сказала, что если будут предлагать фотосессии, чтоб я сразу брала ноги в руки и убиралась подальше. Пока что ничего такого мне не предложили, да и фирма выглядела действительно очень приличной. Конечно, в таком маленьком городке, как наш, и не нужно шикарного офиса.

Как часто мы себя уговариваем, ищем плюсы там, где их практически нет, чтобы не разочароваться, чтобы найти то, что искали. Я отчаянно хотела, чтоб мне повезло, я надеялась, что смогу помочь своим родителям, и они будут мной гордиться. Конечно, не об этом мечтала моя мама, но никакая работа не страшна, никакая работа не воняет. Так говорил мой дедушка.

Нам бы Тошку с Веркой на ноги поставить и папу подлечить, и все у нас хорошо будет, заживем как раньше счастливо.

– Анастасия!

Я резко встала и уронила сумочку, тут же подняла и ринулась за двери кабинета.

– Присаживайтесь.

– Что-то нашли для меня?

– Нашла одно место. Светской арабской семье требуется няня и домработница со знанием языка. Живут они в пригороде Парижа в собственном частном доме. Семья приличная. Она учительница, он политический деятель. Вы им подходите.

Я аж всхлипнула от радости и стиснула руки.

– Подхожу? А вы с ними говорили? Они видели мое фото? Неужели так быстро?

Наталья подняла на меня слегка раздраженный взгляд.

– Конечно, видели. Я отправила им фото, озвучила ваше резюме, дала свои рекомендации.

– Ооох, огромное вам спасибо, вы даже не представляете, как мне нужна работа.

От радости меня аж потряхивало, я готова была станцевать прямо здесь и даже расцеловать эту женщину.

– Конечно, представляю, поэтому отправляю вас в очень приличную семью, которая тщетно искала работницу со знанием языка.

– Спасибо. Как же я вам благодарна.

– Есть, правда, некоторые нюансы.

Но какие уже могли быть нюансы, если у меня перед глазами нарисовался уютный домик, черноволосые ребятишки и милые хозяева прекрасного дома под Парижем.

– Так как в Париж у меня едете только вы, вам придется лететь вместе с девушками – моделями. Отдельно на вас заводить карточку мы не будем, вы отправитесь с группой.

Я радостно кивала, и мне хотелось завопить от переизбытка эмоций.

– Я сейчас же займусь оформлением разрешения на выезд для вас и покупкой еще одного билета. Вылет сегодня ночью.

– Как сегодня?

От неожиданности даже сердце замерло.

– Да, сегодня. Сейчас вы поедете с Аббасом, он отвезет вас в наш второй офис, где девушки ожидают вылета. Вы должны будете заполнить все документы, сделать еще несколько фотографий на разрешение и на удостоверение работника нашей фирмы. Затем вы отправитесь домой – собрать вещи, и вечером мы встретимся уже в том офисе.

– А разрешение так быстро дают?

– Конечно. Мы ведь огромная и солидная компания. У нас свои связи и каналы. Я отсняла ксерокопии с ваших документов. У вас чистая биография, нет судимостей. Не вижу причин для задержек. Поезжайте с Аббасом. Удачи вам.

– А вам огромное спасибо.

В машине я выхватила сотовый и тут же набрала Лизу.

– Лизкааааа, ты не поверишь! Я нашла работу!

– Та ладно. Где?

– Во Франции! Я завтра уже буду в Париже, Лизкааа. В Парижеее. Мне так повезло. С ума сойти!

Аббас сел рядом на сиденье и мерзко мне улыбнулся. Я отодвинулась от него ближе к двери.

– И кем ты будешь работать в Париже?

– Нянечкой у очень прили...

В этот момент я почувствовала сильный укол в шею. Настолько болезненный, что у меня широко открылся рот, и сотовый выпал из рук. Я пыталась вдохнуть, повернулась к Аббасу, хватая ртом воздух и цепляясь руками за сиденье. Где-то вдалеке голос Лизы кричал «Алло! Настояяя! Алоооо!». Потом резко смолк.

– Ну вот и все, сахарок, теперь ты вся моя. Правда, Аббас это сделал не больно?

Он потянулся ко мне, совершенно обездвиженной, с пеленой тумана перед глазами. От панического ужаса разрывало грудь, и воздух со свистом вырывался из приоткрытого рта. Я силилась заорать... очень старалась, но слышно было лишь хрип.

– Какая красивая девочка. Беленькая, как снег. Сисечки круглые, твердые, как Аббас любит. Я полизу твои соски. Люблю их сосать и лизать.

Почувствовала его руки на груди, заморгала, а крикнуть не могу. От гадливости тошнота разрывает легкие, и слезы пекут глаза.

– Аббас по-быстрому. Никто не узнает. Тихонько войдет и сразу выйдет. Какая сладкая...

Слюнявый рот елозит по моей шее, чувствую, как мне раздвигают ноги, и не могу закричать... мне страшно, так страшно.

– Убрал руки! Идиот! Это товар для Асада. Последняя десятая. Трахнешь – цена упадет. Она целка. У тебя пять штук зеленых лишние есть?

Я увидела лицо Натальи тоже сквозь пелену... ни всхлипнуть не могу, ни слова сказать. Она приподняла мое веко. Прощупала пульс.

– Даже снотворное нормально вколоть не можешь. Придунок. Дай шприц.

Меня снова что-то кольнуло теперь уже в плечо, и перед глазами все поплыло, я погрузилась в тошнотворную липкую тьму.

Глава 2

Я пришла в себя от того, что мне страшно хотелось пить. Невыносимо сильно. Так, что казалось, в горле все разодрано до мяса. В ноздри забился затхлый запах закрытого наглухо помещения, и сильная тряска вызывала тошноту. Я сделала несколько глубоких вдохов, пытаюсь унять приступ удушья и позывы к рвоте. Если станет плохо, все через нос пойдет, и я могу задохнуться.

Казалось, что мои глаза все еще закрыты – темно, как в бездне. Я пошевелилась и тут же вскрикнула – руки так сильно связаны за спиной, что веревки словно режут кожу до костей, и неестественно вывернуты назад плечи. От каждого движения боль в ключицах и предплечьях нестерпимая. Где-то поблизости раздались сдавленные звуки. Кого-то тошнило. Именно так, как я боялась.

Послышался глухой звук удара и вскрик. Затем возня и мычание. Кто-то жутко бился и словно захлебывался, издавал страшные булькающие звуки. Мне казалось, что этого кого-то еще и отпихивали на середину. Я продолжала слышать глухие удары.

От ужаса зажмурилась и тихо скулила. Я здесь не одна. Здесь несколько женщин, не знаю сколько, но не мало.

И мы, скорее всего, едем в машине, ее швыряет на ухабах и поворотах. Кто-то тихо плакал, кто-то стонал. Но у меня не было внутри ни жалости, ни сочувствия. Я отчего-то их боялась не меньше, чем тех, кто нас сюда засунул. Я не могла сделать нормально вдох и выдох от охватившей меня паники. Где мы? Куда нас везут? Кто нас схватил? В голову лезли кошмарные мысли о том, что из нас вырежут все органы и бросят умирать в каком-нибудь сарае, истекать кровью и заходиться от боли. В голове смутно крутились какие-то странные картинки. Вроде как меня куда-то везут на инвалидной коляске, какие-то вопросы задают тому, кто едет со мной, люди в форме, им предъявляют мой паспорт, и руки у этого человека в красных пятнах с тыльной стороны ладони, а на мизинце кольцо. И меня трясет от бессилия, я хочу кричать, звать на помощь и не могу, я слышу голоса, но не знаю, о чем они говорят, а потом снова уколы и снова темнота, после которой тошнит и сводит все тело так беспощадно, что кажется – я умираю в мучительных пытках. Я так не хотела погибать где-то в машине, в жуткой темноте, без мамы. Мамочка моя, забери меня отсюда, мне так страшно, маааааа. Мне всего лишь двадцать, я жить хочу, на мир хочу посмотреть, детей хочу учить. Я ведь... даже в стране другой не была. Я мычала закрытым скотчем ртом, вертела головой, брыкалась и скулила, как животное. Меня кто-то пинал в бок, потом ногами затолкали к стене. Я им мешала... кому-то из них. Потом мне скажут, почему меня пинали – боялись ублюдков-конвоиров, что могут услышать и избить нас за возню. Едва я начинала выть, меня пинали снова. Я все так же не видела, кто едет рядом со мной, мы не останавливались, машину не открывали, нам не приносили пить, не выпускали облегчиться. Скоро в помещении стало вонять мочой и кислотой.

Дорога начала казаться самой жуткой и невыносимой пыткой из всех, что я могла себе представить. Тело болело из-за неудобной позы, занемели руки. Мне ужасно хотелось пить и в туалет. Я изо всех сил держалась. Мне всегда казалось, что, если человек позволяет себе ходить под себя, значит половина пути к животному или трупам уже сделана. Я не хотела быть животным и не хотела стать трупом. Я не стану мочиться на пол, как это сделали другие. Я вытерплю. Эти ублюдки должны остановить машину и выпустить нас. Они тоже не роботы. Рано или поздно они остановятся. Едва я об этом подумала, машина резко затормозила, так резко, что всех швырнуло от стены к стене. Я об кого-то больно ударилась головой. Все голоса стихли. Теперь было не просто страшно, а до ужаса страшно. Раздался сильный шум, и яркий свет ослепил до дикой боли в глазах, заставив зажмуриться.

– Вонючие твари. Обоссали фургон! Я тебе говорил, надо остановиться, а ты – они не пили... они не пили. Сам будешь здесь мыть, мудака!

Наши похитители и конвоиры говорили по-русски. И нет, никакой надежды это не внушало, а наоборот – становилось еще страшнее от понимания, что им плевать на своих же женщин. Они нас куда-то везут, и это лишь начало ада.

– Блядь! Слон! Одна сдохла! Твою ж мать!

Я постепенно привыкла к свету и теперь смотрела на других женщин в грязной несвежей одежде, также со связанными руками. Они все отворачивались и жались друг к другу, старались не смотреть на меня.

– Что стала, мразь? Пошла вперед! Смотрит она, шалава! Да! Ты, белобрысая тварь, иди давай.

Я в страхе сделала шаг вперед и обо что-то споткнулась, упала, и когда приподняла голову, замычала от сумасшедшего ужаса. Прямо на меня смотрели остекленевшие глаза мертвеца, и в нос ударил запах рвоты, настолько сильный, что свело спазмами живот и перехватило горло. Меня подняли за волосы и вышвырнули из фургона на улицу.

– Рвотой захлебнулась, потому что ты, Слон-мудила с Нижнего Тагила, рты им позаклеивал! Теперь закапывайте ее, только подальше, а то найдут еще менты жидовские, они тут шныряют на джипах, граница рядом.

– А надо было, чтоб они орала на КПП? Нам бы и связи не помогли, если б суки заголосили. Одной больше, одной меньше. Все равно сдохнут. Ты б не ментов боялся, а Кадира – бешеную псину. Лютая тварь он и опасная. Из песков появляется, как сатана, мать его.

– КаDIR в другом месте рыскает сейчас. Там заварушка была у них. Сюда не сунутся. Здесь будет чисто, Асад сказал.

– Ты не тринди, Паша. Не чисто. Ты бабки, которые тебе дали для Аднана на откуп, спустил сразу. Нагрывает этот шакал и выгрызет нам кадыки на хер.

– Заткнись. Не каркай! Меня труп больше волнует. Марат неустойку возьмет с Надиры. Договаривались насчет девяти, а их восемь и вот это – не пойми что.

«Не пойми чем» была я. Пытаясь встать, копошилась и падала обратно навзничь, пока меня не поставили на ноги, приподняв за шиворот и тряхнув пару раз, чтоб не брыкалась. Физиономия того, кого называли Слоном, приблизилась ко мне и всмотрелась в мое лицо, убрал мои волосы со лба и тут же отпрянул назад.

– Глаза жуткие у нее. А так ничего. Эти чурки любят беленьких, а она просто белоснежная.

Они все одеты в какую-то камуфляжную одежду, на головах намотаны светлые тряпки, и кожа обветренная лоснится от пота, через плечо висят автоматы или, что это за оружие, не знаю, я в нем не разбираюсь.

– Надира сказала – продать за сколько дадут. Она ее из-за давления Асада взяла, для количества. А вообще тощая, какая-то мелкая. Еще и не купит никто. Харэ пялиться на нее. Слюной изошелся, придурок. Вечно тебя на убогих тянет.

Слон продолжал меня рассматривать, а я, едва дыша, старалась не глядеть в его черные глаза с очень расширенными зрачками. От него воняло потом и сигаретами, а еще воняло какой-то дрянью, словно тухлятиной. Не по-настоящему, нет. Это мне казалось, что мразь, способная своих женщин вот так унижать и продавать, как скот, сгнила давно изнутри. И несет от нее, как от костей с тухлым мясом.

– Но что-то есть в ней... интересная сучка. Как нарисованная. Ты присмотрись получше, Паша. Ее б откормить и отмыть. Бляяяя, я б ее вые**л.

– Облезешь! Хобот свой попридержи. Я тогда ее и за сотню не протолкну. Она целка. Надира так сказала. Это ей добавит цены на рынке. Все, веди сучек мыться и переодеваться, а то воняют как падаль.

Женщины озирались по сторонам, смотрели то друг на друга, то на этих ублюдков. Нам всем сняли веревки с рук и, пиная прикладами между лопаток, погнали в какое-то помещение, похожее на полуразвалившийся склад. Я еще не поняла, где мы находимся, но местность была совершенно незнакомой, как и запахи, и природа вокруг. Словно мы где-то абсолютно в другой стране или измерении. Солнце припекало совсем не по-весеннему, а прожигало в темени дыру. И травы на земле нет, только стручки и кустарники полусухие с колючими цветами. Я содрала скотч и сделала глубокий вдох.

Внутри здания были лишь голые стены, кабинки и ржавые раковины. Я вдруг поняла, что это, кажется, заброшенная заправка, а не склад. Сзади через разбитые стекла окон было видно ржавые бочки с надписью «огнеопасно»... на... на нескольких языках. Но не на русском. Английский и арабский я узнала сразу, а еще один язык был похож на иврит.

– Что ты там рассматриваешь, тварь? Мойся давай. Времени нет вообще!

Прикрикнул Паша. Видимо, он главный у них. Я посмотрела на других девушек. Никто не раздевался. Все стояли у раковин и смотрели друг на друга взглядами полумертвых от ужаса животных. Хотя двое из них уже сняли одежду и натирали себя мылом, которое им швырнул главарь, посвистывая и щипая их за ягодицы и за груди. Потом посмотрел на остальных.

– Я сказал, сняли шмотки, сучки! Вы что – оглохли? Раздевайтесь, мойте свои щелки и сиськи, и чтоб от вас мылом пахло, а не воняло, как от шавок. Слон, дай шмотки, пусть переодеваются.

Слон швырнул мешок возле скамейки и снова уставился на меня.

– Я посмотреть хочу. Пусть снимает тряпье.

Мне стало до дикости страшно. Почему-то казалось, что этот жуткий боров со свинными глазами набросится на меня и сожрет.

– Давай, белобрысая. Не то сам раздену.

Я стиснула руками платье у воротника и смотрела в пол, моля бога, чтобы произошло чудо, и этот ублюдок убрался куда-то. Господи, помоги мне, пожалуйста. Я больше никогда не согрешу, не натворю ничего, я домой хочу... к маме хочу, Боженька, помогиии! Мне так страшно!

И в тот же момент в помещение забежал третий конвоир.

– Бляяя, Пашкаааа! У нас проблемы! Слышите? Отряд Кадира из пустыни сюда мчится. Пыль столбом на горизонте. Твари с КПП нас сдали! Просекли, что товар везем Асаду.

– Твою ж мать! Твоюююю ж гребаную мааааать! Только этого дерьма нам сейчас и не хватало!

Главаря словно трясти начало, он платок свой с головы сдернул и лысину лоснящуюся протер. Сплюнул на пол.

– Я говорил тебе!

– Да заткнись ты, Слон! Заткнись, я сказал! Будем договариваться с арабским ублюдком... Твою ж мать, как не вовремя!

– Не мойтесь и не переодевайтесь. Вымажи их рыбьим жиром и сажей, снаружи зола от костров. Пусть от них несет, как от помойной ямы. Слышали, сучки? Быстро вышли на улицу, измазались в золе – волосы, руки.

– Нет у меня рыбьего жира, мать в этот раз захворала, в больнице она, не давала с собой. Нечем мне их вымазывать.

– Чееерт. Ладно. Будем надеяться, что пронесет.

– Ага, бля, пронесет. Тамир в прошлый раз остался без мизинца, и весь товар ему попортили. Бедуинские твари перетрахали всех телок. Все упали в цене. Одна сдохла.

– Ладно, я не Тамир и дела с Асадом веду только по бабам. Оружие ему не таскаю, наркоту не вожу. Мне нечего делить с Кадиром, я ему дорогу не переходил и врага его стволами и тротилом не снабжал. Так. Надо сучек обратно в фургон загнать, там вонь зверская. Может,

заглянет арабская псина и носом покривит. Глядишь, и повезет – откупимся сигаретами да пойлом америкосским.

– А прошлая партия, Паш? Не помнишь те пару ящиков с зеленой пломбой? Говорят, потом две бедуинские деревни на воздух взлетели.

– Да ты заткнешься сегодня или нет? Рот не закрывается. Все, пошли наружу, сядем перекурить и пожрать. Типа не боимся его, просто привал сделали. Этих в машину и закроем.

Я краем глаза следила за ними, и сама начинала нервничать. Их страх перед каким-то Кадиром ничего хорошего не обещал. Нас могло ожидать нечто более худшее и страшное. Тем более меня. Я для них не представляла никакого интереса. Они могли избавиться от меня в любой момент. И еще я очень боялась Слона. Мне казалось, он сделает со мной что-то мерзкое. Что-то такое, после чего я никогда не оправлюсь. Я должна спрятаться. Пока они все там снаружи, я могу укрыться и попытаться сбежать... Только куда? Куда я сбегу? Я даже не знаю, где я, и у меня нет документов. Но я уже представляла себе, куда эти мрази нас вывезли. Мы уже давно пересекли территорию нашей страны, мои видения вовсе не видения. Нас обкололи наркотиками, и мы пересекли границу. Это синайская пустыня. Ее начало. Нас гонят к границе с Египтом.

Я посмотрела на других женщин, они послушно вымазывали лица сажей, лохматили волосы. Вываливали вещи в песке и золе.

– Ты чего стоишь? – крикнула мне одна хрипло, – жить расхотела? Делай, как они сказали. Они не так страшны, как тот, что сюда едет. Он лютая тварь. Я знаю, что говорю.

Я посмотрела на нее и взяла протянутую мне золу.

– Откуда знаешь?

– Не все здесь не по доброй воле. Некоторые сами на это пошли. Меня везут одному клиенту по личному заказу. Я уже здесь была. Меня депортировали. Спасли, так сказать.

Она быстро растирала свои щеки черным, мазала даже губы, сыпала песок себе в волосы. Красивая, даже очень красивая, с длинными темными волосами и большими зелеными глазами, со стройным сочным телом. Она перетянула грудь платком и порвала на себе кофту в некоторых местах.

– Не стой истуканом. Мажься давай. Кадир безжалостный дьявол. Они женщин насилуют и выбрасывают, как скот, в пески. Мне рассказывали, что творит он и его солдаты – это жутко. Надо молить бога, чтоб он побрезговал нами.

Я принялась тереть лицо, и сердце колотилось все сильнее и сильнее.

– Эй, шалавы, все хватит марафетиться, пошли на улицу обратно в машину, и чтоб тихо там сидели. А то бедуинские голодные мальчишки отымеют вас во все дырки. Быстро-быстро, нет времени.

Мы вышли на улицу и тут же замерли. Здание уже окружали мужчины верхом на лошадях. Топот копыт слышался словно со всех сторон, как и низкие голоса, перекрикивающиеся на арабском. Их было много, очень-очень много. Эти взгляды из-под завязанных вокруг лиц платков внушали ужас. Так смотрят одержимые голодом и жаждой наживы убийцы-фанатики.

– Всем молчать. Не издавать ни звука. Смотреть себе под ноги и глаз не поднимать, головы опустили.

Женщины затаились, а я нервно терла и терла щеку золой, потому что увидела мужчин в всем черном: жилеты поверх рубаш и куфии, повязанные вокруг головы. За плечами оружие. Стало не по себе. Словно передо мной отряд неуправляемых дикарей, будто цивилизация не коснулась ни здешних мест, ни этих людей. Один из них держался впереди всех и чуть ли не наступал лошадью на русского главаря. Он казался выше и крупнее остальных, не знаю почему, может, оттого что ближе всех к нам. Восседал верхом на черном лоснящемся от пота жеребце. Тот беспокойно фыркал и перебирал копытами так, что Паше приходилось делать несколько шагов назад, чтобы не попасть под ноги коню.

Лицо Предводителя было также закрыто, как и у остальных, но я увидела его глаза. Страшные, светло-зелёные, как у хищника, они прожигали насквозь из-под очень широких черных бровей. От одного его вида мне почему-то захотелось закричать. Стало так страшно, словно я увидела самого дьявола. Он обвел глазами перегонщиков и женщин. Медленно, изучающе. Очень тяжелым давящим взглядом, от которого начали дрожать колени и стиснуло грудь, как клещами.

– Смотри себе под ноги. Не рассматривай их, дура.

Голос той, темноволосой, заставил опустить взгляд и теперь смотреть на носки своих потертых и счесанных туфель. Господи, как долго они меня тащили и где? Я же надела новую обувь. Вспомнила, как мы выбирали эти туфли вместе с мамой, и сердце сильно дрогнуло. Всего лишь несколько дней назад я была дома. В своей квартире, спала в своей постели, завтракала с родителями на кухне... А кажется – это было уже в другой жизни. Может, я сплю, и мне снится кошмар?

Предводитель отряда... Видимо, это и был он, заговорил с перегонщиками. Его голос оказался очень низким, зычным и гортанным. Из-за сильного волнения я плохо понимала, что он говорит... хотя он говорил на превосходном русском языке, пусть и с сильным акцентом.

– Что забыл в моих землях, пес? Тебе разве не сказали, что это теперь моя территория?

Я видела, как дергается рука главаря и сжимаются и разжимаются пальцы. Он не просто нервничал, а казалось, сейчас наделает от страха в штаны.

– Шлюх везу. Всего лишь грязных и дешевых шалав для борделя Нагаси в Тель-Авиве. В этот раз товар дрянь. Смотреть не на что. Дай спокойно проехать, Кадир. В следующий раз в долгу не останусь.

– А ящики со взрывчаткой тоже везешь? Или в этот раз тебе и с этим обломилось?

– Какие ящики? Помилуй бог. Я никогда оружием не торговал, я мирный человек. Я баб вожу. На заработки. Все честно.

Бедуин дернул коня, и тот чуть не задел копытами ноги главаря. Я видела, как по лысому затылку перегонщика градом стекает пот и как он пятится назад.

– Ты бы имя Всевышнего своего не трепал. Где он, а где ты, человеческий мусор? Что в машине? – голос рокочет спокойно так, вкрадчиво. А мне чудится, словно это потрескивают угли перед тем, как резко вспыхнет пламя. Неужели этот придурок не чувствует, что опасность вибрирует в воздухе.

Я чуть приподняла голову и рассматривала ноги бедуина, его черные сапоги из мягкой кожи, покрытые слоем песочной пыли. Подняла взгляд еще выше на руки, сжимающие поводья. Пальцы темные, обветренные с кольцами на мизинце и безымянном. На запястье множество цветных переплетенных ниток.

– Не было у меня никогда никаких ящиков. Может, у Тамира были, а я не занимаюсь таким. Я только сучек продажных вожу.

Я все же осмелилась поднять голову и посмотреть на него целиком. Какой же он огромный, широкий в плечах, словно там, под одеждами, не тело, а груда мышц, и все они перекачиваются, бугрятся под тонкой тканью и под жилетом. Лицо все еще до половины закрыто, и мне видна ровная переносица и эти глаза. Совершенно несочетаемые с очень смуглой кожей. Настолько светлые, что кажется, они вот-вот зафосфорятся, как у волка или шакала в темноте. Дикая глаза, мало похожи на человеческие. Смерть в них. Ее видно. Она ничем не прикрыта. Этот человек словно ее олицетворение. Он вдруг резко посмотрел на меня, и я от ужаса не смогла даже голову опустить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.